

Дѣтство и юность знаменитыхъ людей. Вып. 9.

ДИККЕНСЪ.

Разсказъ А. Печковского.

Безплатное приложеніе къ журналу
„ПРОТАЛИНКА“.

Стоялъ сѣрый туманный день, какіе нерѣдко бываютъ въ Лондонѣ; въ комнатахъ былъ полумракъ, будто уже наступили сумерки. Чарльзъ Диккенсъ долго расхаживалъ по комнатѣ, повидимому занятый какой то упорной думой,—можетъ быть, воспомина-ніями. Потомъ уставъ отъ ходьбы, прилегъ на диванъ и сталъ приводить въ порядокъ свои мысли. Добавимъ, что въ это время онъ былъ занятъ приготовленіемъ новаго романа, и мысли его имѣли къ этому отно-шеніе.

Героємъ романа на этотъ разъ будетъ у него мальчикъ, которому съ раннихъ лѣтъ приходится самому зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба. Не помогутъ ли тутъ ему воспомина-нія о годахъ собственнаго дѣтства?

Только подумалъ—и уже воспомина-нія потекли длинной чередой.

Вспоминалось что то давнее, что то без-возвратно ушедшее. Вспоминалось тяжелое,

но и этого тяжелого было жаль, какъ безвозвратно ушедшаго дѣтства. Вспоминалось оно, это раннее дѣтство, выплывали картины собственной жизни и перемѣшивались съ вымысломъ будущаго романа.

Вотъ черты его лица нахмурились, и на лбу легла страдальческая складка: вспомнились безотрадныя минуты, такія, которыхъ другой назвалъ бы, пожалуй постыдными... Неуютная, сырая комната, почти безъ всякой обстановки: все что было цѣннаго—какая нибудь серебряная ложечка, фарфоровая чашка, книга въ кожаномъ переплетѣ—все это уже отнесено матерью подъ закладъ, и на вырученные шиллинги семья питалась нѣсколько дней.

Въ комнату входитъ господинъ, съ лицомъ знакомымъ—о, слишкомъ хорошо знакомымъ. Сюртукъ, жилетъ, панталоны потерты, но зато бѣлѣютъ накрахмаленные воротнички рубашки; въ рукахъ черная трость, которою онъ все время играетъ. Несмотря на потрепанный костюмъ, видъ у него легкомысленно веселый.

— Ну, миссисъ Диккенсъ—громогласно возглашаетъ онъ,—нашему мастеру Чарльзу

повезло, ужъ право можно сказать, повезло. Подумайте только ему предлагаютъ мѣсто въ торговомъ домѣ и даютъ жалованье—цѣлыхъ шесть шиллинговъ въ недѣлю. Но я еще не рѣшилъ, я сказалъ, что подумаю. Про себя то я думаю, что мастеръ Чарльзъ способенъ на что-нибудь болѣе высокое, чѣмъ наклеивать ярлыки на коробочки съ ваксой.

На томъ пока и порѣшили.

Таковъ былъ первый разговоръ о вступленіи юнаго Чарльза на собственный жизненный путь.

Прошло еще нѣсколько времени, наконецъ и разразился громъ. Для маленькаго Чарльза не новостью было, что у его отца много долговъ, а разъ были долги, то были и кредитеры; о существованіи послѣднихъ Чарльзъ зналъ хотя бы потому, что одинъ сапожникъ, чуть-ли не каждое утро сидѣлъ у нихъ на лѣстницѣ и оралъ во все горло: „Эй, господинъ Диккенсъ оглохли вы, что-ли? Я, вѣдь, знаю, что вы дома. Чего вы прячетесь? Заплатите мнѣ, и я уйду“. И это повторялось изо дня въ день.

Наконецъ, такое занятіе надоѣло ему, и онъ, сговорившись съ другими кредиторами,

подалъ жалобу въ королевскій судъ. При первомъ извѣстїи объ этомъ, легкомысленный отецъ семейства едва не упалъ въ обморокъ, но очень скоро пришелъ къ такому заключенію; во-первыхъ, мало подать въ судъ, нужно еще чтобы судъ исполнилъ просьбу кредиторовъ и посадилъ его въ тюрьму, а во-вторыхъ, если даже судъ устроить ему такую непрїятность, то вѣдь вездѣ есть люди—отчего бы и мнѣ не быть въ долговой тюрьмѣ.

Однако, какъ ни храбрился легкомысленный господинъ, наступилъ роковой для него день, когда пришло распоряженіе отвести его въ долговую тюрьму. Съ мрачнымъ лицомъ простился онъ съ семьей, съ домомъ и торжественно предсказалъ, что въ этотъ день земля разступится и поглотитъ его въ себя. Но земля не разступилась и дала ему благополучно дойти до королевской долговой тюрьмы. Вотъ двери послѣдней гостепрїимно разверзлись передъ нимъ и захлопнулись затѣмъ. Зрѣлище для бѣдной, оставшейся на улицѣ семьи, было потрясающимъ.

Однако отецъ семьи рѣшилъ взглянуть на это дѣло гораздо проще и веселѣе. Едва

успѣлъ онъ войти въ ужасное зданіе, какъ сейчасъ-же свелъ нѣсколько очень пріятныхъ знакомствъ и сыгралъ со своими новыми пріятельми нѣсколько партій на билльярдѣ, который къ счастью оказался даже въ тюрьмѣ.

Но не такъ легко отнестя къ этому событію маленькій мальчикъ котораго звали Чарльзомъ. Ночью, когда въ осиротѣвшемъ жилищѣ всѣ уснули, въ темнотѣ, наединѣ съ самимъ собой, мальчикъ далъ волю своимъ слезамъ. Плакалъ долго, неудержимо, пока не опустошилась маленькая душа его. Наконецъ, выплакавши всѣ слезы, онъ погрузился въ размышленія, слишкомъ раннія для своихъ лѣтъ. Размышленія эти были о жизни, которая представлялась ему какимъ то неумолимымъ чудовищемъ: съ этимъ чудовищемъ нельзя играть какъ съ игрушкой, нѣтъ, съ нимъ нужно бороться, нужно постоянно быть на чеку, чтобы оно не захватило тебя въ свои страшныя лапы, какъ сегодня оно захватило легкомысленнаго отца его. И въ эту минуту отецъ представился ему маленькимъ, неопытнымъ мышонкомъ, задумавшимъ поиграть съ кошкой. Такая жалость охватила его, что невольно новый потокъ слезъ

полился у него изъ глазъ. Но нѣтъ, не нужно плакать! Онъ вспомнилъ, что онъ теперь единственный мужчина въ ихъ осиротѣвшей семьѣ и это заставило его встряхнуться и даже принять одно важное рѣшеніе, о которомъ станетъ извѣстно послѣ.

Прошло нѣсколько дней. Жили, какъ могли, перебивались, ѣли впроголодь, и даже эту скудную пищу приходилось добывать дорогой цѣной! Не забыть ему никогда того стыда, когда они съ матерью понесли изъ дома столъ, за которымъ обѣдали. Вынесли его рано утромъ, чтобы никто не видалъ, и отнесли въ одну лавку, находившуюся далеко отъ ихъ жилища. На вырученныя деньги питались нѣсколько дней. За столомъ отправилась въ путь остальная мебель. Затаивъ дыханье, стараясь не выдать своего волненія, слѣдилъ маленькій Чарльзъ, какъ мать тайкомъ рано поутру выносила дѣтскій стульчикъ, на которомъ любилъ сиживать онъ самъ. Чарльзъ предвидѣлъ уже, что настанетъ часъ, когда они останутся среди голыхъ четырехъ стѣнъ. Онъ рѣшилъ поговорить съ матерью серьезно.

Вечеромъ того же дня мать и сынъ долго сидѣли, прижавшись другъ къ другу: говорили тихо, еле слышно, какъ заговорщики. Наконецъ встали, и мать торжественно проговорила:

— Иди, дитя мое, по собственному жизненному пути, и да будетъ надъ тобой благословеніе Божіе. И путь твой пусть будетъ не такимъ, какимъ шелъ твой злосчастный отецъ.

Со слѣдующаго дня началась трудовая жизнь мастера Чарльза. За шесть шиллинговъ въ недѣлю, подумайте, только за шесть шиллинговъ принужденъ онъ былъ трудиться цѣлый день, цѣлый день только и дѣлать, что наклеивать ярлычки на коробки съ ваксой,—ибо онъ все-таки поступилъ на то мѣсто, о которомъ когда-то говорилъ его отецъ. Зато по воскресеньямъ ему давали полную свободу. Онъ и пользовался ею: воскресенье—это былъ день, въ который онъ ходилъ въ королевскую долговую тюрьму.

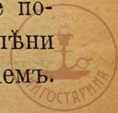
Одно изъ этихъ посѣщеній стало особенно памятнымъ ему, хотя никто никогда не узналъ про него.

Обыкновенно, когда онъ приходилъ, его всегда поражали шумъ и оживленіе, какъ будто это было не мѣсто скорби и печали, а самый веселый домъ. И, благодаря этому, маленькій Чарльзъ, маленькій, узнавшій печаль жизни труженикъ, испытывалъ даже невольное раздраженіе противъ легкомысленнаго поведенія обитателей тюрьмы. Но на этотъ разъ стояла необычная мертвая тишина. Въ недоумѣніи прошелъ Чарльзъ въ знакомую камеру, но не переступилъ порога—остановился пораженный.

Онъ увидѣлъ того, къ кому пришелъ сидящимъ неподвижно будто застывшимъ всѣми членами, и чудно и странно показалось ему лицо его: столько непривычной грусти, столько неpritворной тоски увидѣлъ онъ во взорѣ, что въ первую минуту ему показалось, будто онъ видитъ совсѣмъ чужого человѣка.

И вдругъ этотъ человѣкъ всталъ, поднялъ скорбные глаза къ нему и нѣсколько минутъ пробылъ какъ бы въ нѣмой-мольбѣ, какъ бы моля помощи свыше; затѣмъ, словно не получивъ ея, въ отчаяніи склонился на колѣни и зарыдалъ долгимъ, глубокимъ рыданіемъ.

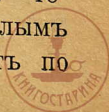

Стоявшему въ дверяхъ мальчику сдѣлалось такъ жутко, такъ непривычно чудно, будто онъ присутствовалъ при какой то необыкновенной тайнѣ, что онъ благоговѣйно попятился назадъ, тихонько закрылъ дверь и ушелъ.

Ни одной живой душѣ не сказалъ онъ про видѣнное имъ, онъ схоронилъ подмѣченную имъ тайну глубоко въ душѣ своей, и она осталась тамъ, какъ сонное видѣніе, какъ бредъ въ тиши ночной.

Много съ тѣхъ поръ лѣтъ прошло, многое смѣшалось въ памяти его, и не все достаточно ясно помнится изъ бывшаго. Такъ и съ его работой на складѣ ваксы. Что онъ помнить отчетливо? Помнить сырой, грязный подвалъ, въ которомъ плохо различаешь предметы, въ особенности въ сырые туманные дни. Помнить множество крысъ, дерзкихъ, назойливыхъ, пожирающихъ все, что плохо лежитъ, вплоть до клея, которымъ наклеивали ярлычки.

Единственно чѣмъ утѣшался маленькій Чарльзъ, это своей самостоятельностью—теперь онъ былъ будто совсѣмъ взрослымъ человѣкомъ. Онъ видите ли получаетъ по

субботамъ свои шесть шиллинговъ и можетъ тратить ихъ на что угодно—хоть въ театръ пойти, хоть другое что—никто ему не можетъ воспрепятствовать. Но онъ не дѣлаетъ этого, не идетъ въ театръ, ибо знаетъ, что тогда придется ему въ пятницу и субботу покрѣпче стягивать поясъ, чтобы опустѣвшій желудокъ не очень требовалъ пищи. Не только что желудокъ, а и болѣе мелкимъ соблазнамъ нужно было противостоять. Иногда соблазнится утромъ и купить пряникъ—значить, на обѣдъ придется удовольствоваться пустой булкой. Зато если устоишь противъ соблазна, тогда можно по настоящему пообѣдать.

Да еще одно утѣшеніе было у него—родной домъ, гдѣ родная мать, къ которой можно притти и рассказать о своихъ горестяхъ—о рыжемъ, веснушатомъ Джонѣ, который ни разу, не пройдетъ мимо, не дернувши его за прядь волосъ, о другихъ товарищахъ съ усмѣшкой спрашивающихъ его, гдѣ проживаетъ его достопочтенный отецъ и почему онъ не посѣщаетъ теперь ихъ заведенія. Да, Чарльзъ зналъ, у кого искать въ этомъ случаѣ утѣшенія.

Но скоро этого утѣшенія не стало больше — не стало родного дома, не стало привычнаго мѣстечка подлѣ матери. Какъ же это случилось?

Не въ моготу стало матери дольше терпѣть жизнь въ домѣ, гдѣ остались однѣ голыя стѣны, гдѣ было такъ неуютно, такъ сыро, такъ холодно и голодно. Мистрисъ Диккенсъ рѣшилась сдѣлать такой шагъ, какой не всякій сдѣлаетъ: забрала всѣхъ дѣтей и вмѣстѣ съ ними переѣхала къ мужу въ долговую тюрьму.

Изъ всѣхъ Диккенсовъ на волѣ, на свободѣ, одинъ и среди улицы остался только маленькій Чарльзъ...

Чарльзъ Диккенсъ поднялся съ дивана, на которомъ сидѣлъ, погруженный въ воспоминанія, подошелъ къ столу зажегъ свѣчи и взялъ въ руки пачку исписанныхъ листовъ. На первой страницѣ крупными буквами стояли слова: „Давидъ Копперфильдъ“.

